

УДК 821.161.1 – 02 / 09

СИМВОЛИКА СВЕТА В ИЗОБРАЖЕНИИ СОЛОВКОВ (Б. Ширяев и О. Волков)

Екатерина Валерьевна Гладкова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и литературы

Высшая школа народных искусств

191011, Санкт-Петербург, наб. кан. Грибоедова, 2А. gladius27@mail.ru

В статье рассматривается семантика слова «свет» в произведениях двух авторов XX в. – Б.Ширяева и О.Волкова. Их мемуары изображают Соловецкий лагерь (СЛОН) 20–30-х гг. XX в. Выявляется традиционная оппозиция света и тьмы, обусловленная прецедентным библейским текстом. Световая символика призвана раскрыть авторское отношение к описываемому. Различное восприятие пережитого обусловлено мировоззренческими, философскими установками авторов. Б.Ширяев, опираясь на символику света, размышляет о духовных корнях культуры Востока и Запада, о будущем восточной и западной христианских традиций.

Ключевые слова: символика света; оппозиция тьма – свет; кольцевая композиция; философско-мистические воззрения автора; духовные судьбы Востока и Запада.

Два произведения Б.Ширяева носят заглавия, содержащие световую символику: «Неугасимая лампада» и «Светильники Русской земли». Символика света важна и в книге «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол». Несомненно, автор опирается на евангельскую символику, и образ света связан в первую очередь с логией Христа: «Вы – свет мира» (Мф., гл.5, 14–16), а также с притчей о зажженной свече (Лк., гл.11, 33–36), о десяти девах (Мф., гл.25, 1–13) и др. Для самого Ширяева духовные вопросы были всегда значимы, и его христианский путь – непростой, полный поисков. (В конце жизни Б.Ширяев примет католическое вероисповедание, что вызовет осуждение русских эмигрантов.) О.Волков озаглавит свою книгу воспоминаний «Погружение во тьму», и это название будет апеллировать к оппозиции «свет – тьма». Выявление коннотации света в произведениях Б.Ширяева («Неугасимая лампада», «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол») и О.Волкова («Погружение во тьму») призвано воссоздать взгляды авторов и сопоставить рецепции лагерного соловецкого опыта.

Символика света в основном рассматривается нами по главам книги Б.Ширяева «Неугасимая лампада»; порядок глав связан с авторской мыслью о грядущем торжестве «света» в России, с надеждой на победу положительных начал русской действительности. «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол», другая книга Ширяева, продолжает этот символический ряд, внося новые

оттенки смысла. Кроме того, мы обратимся к изображению Соловецкого лагеря О.Волковым. Наша задача – выявить авторское видение истории России, судеб Запада и Востока, исследовав световую образность произведений двух писателей.

Слово «свет» относится к словам-концептам, составляющим фундамент русской культуры. Современные исследования выявляют историю, богословие и символику этого слова на широком литературном материале – от «Слова о полку Игореве» до поэзии XIX в.¹ Мы опираемся на традиционную семантику этого слова, связанную со святостью, духовностью, невинностью и т.д.

Литературное наследие Б.Ширяева мало изучено. Эмигрантские издания преимущественно замечают монархические взгляды писателя, его связь с казачьим движением. В основном это биографические статьи и заметки. Здесь нужно отметить исследования М.Талалая, публикатора и комментатора «Ди – Пи», сделавшего известным имя автора в России. (Кстати, опубликованы в России только два произведения Б.Ширяева – «Неугасимая лампада» и «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол» [Талалай 2007].) Собственно филологический анализ «Неугасимой лампады» представлен в статье А.И.Филатовой об этом произведении². Исследовательница отмечает, что контраст мотивов Временного и Вечного будет постоянно оттенять религиозно-философскую концепцию Ширяева, а названия

частей и глав у писателя зачастую связаны с миром религиозных представлений и «работают» на авторскую идею. «...Образ неугасимой лампы – самый значимый в образной символике произведения Ширяева. Для писателя неугасимая лампа – душа России, ее вера, ее религиозное чувство...» [Филатова 1996: 78]. А.И.Филатова утверждает, что общий настрой книги оптимистический, несмотря на трагизм изображенных событий. Эти положения статьи близки нашей концепции. Что касается исследований творчества О.Волкова, то на сегодняшний день их практически нет, несмотря на признание его таланта современниками.

В «Неугасимой лампе» остров Соловки изображен последним убежищем потонувшего града Китежа – символа святой Руси. Темные волны ненависти и вражды, захлестнувшие страну после революции, сделали, казалось бы, святую обитель одним из своих филиалов. Но надежда на возрождение теплится, как теплится неугасимая лампа последнего схимника – молитвенника на Руси. А значит, ковчег земли русской еще возвышается и огоньки духа будут мерцать сквозь мглу, вопреки ей. Свет лампы мерцает, этот образ горящего светильника, несомненно, евангельский по происхождению, связан в повествовании с символикой Фаворского света Преображения. Это еще и цель, предназначение России, но путь на Фавор лежит через Голгофу, через **тьму** страданий и смерти. Оппозиция света и тьмы задается на уровне как символов, так и метафор художественного повествования. Гроб – еще один символ Соловецкого лагеря, который по сути является макрокосмом. Соловки – проекция судьбы России. «Капля воды отражает в себе океан. Соловки отражали в себе основные черты тогдашней жизни Советского Союза, население которого, болезненно отрываясь от старого уклада, еще только приспособлялось к новым уродливым формам» [Ширяев 2003: 41]. Когда же наступит освобождение, что ждет Россию в будущем и какие пути ведут к ее преобразению? Б.Ширяев предполагает, что только ценою жертвы достигается искупление и колокола «преображенного Китежа» будут слышны только в этом случае. Рассмотрим световую образность «Неугасимой лампы», помогающую воссоздать авторский взгляд на настоящее и будущее страны.

Свет Фавора

Книга открывается текстом, написанным летописным слогом. Автор-летописец повествует о том, как «зачалась Соловецкая обитель» во времена новгородских ушкуйников. Первое посягательство власти на святыню было совершено

«грозной рукой московского царя» Алексея Михайловича. Символика света – святыни явлена в изображении вечного и вневременного, неподвластного правителям: колоколов святой Софии Новгородской, мифического *преображенного* града Китежа и простого деревянного била первого Соловецкого храма во имя *Преображения*. «Алчущая и жаждущая преобразования духа своего святая Русь пела хвалу...» [Ширяев 2003: 21]. У книги кольцевая композиция, только летописный слог сменяется торжествующим и мистическим пророчеством. В конце автор вернется к тайне преобразования Руси. На последних страницах звучит авторское признание: «...Тогда была тьма. Немногие видели в этой тьме догоравшее, как казалось бледное, задушенное тьмою пламя, пламя лампы последнего схимника. Я видел его» [Ширяев 2003: 428]. Оппозиция света и тьмы пронизывает все произведение от начала к концу и выстраивает художественную концепцию книги.

Лампа инок

Центральный эпизод, связанный с заглавием на символическом уровне, находится в ч. 2, гл. 8 «Новые Соловки» и «Соловецкие острова». Автопсихологический герой вспоминает о том, как он возвращался ночью из отдаленной командировки. Сбившись с пути, герой набрел на «отблеск какого-то луча». Свет шел из землянки, кельи «последнего схимника святой нерушимой Руси». Это была горящая лампа перед темным ликом Спаса. «Я думал... нет... верил, знал, что пока светит это бледное пламя неугасимой, пока озарен хоть одним ее слабым лучом скорбный лик Искупителя людского греха, жив и дух Руси – многогрешной, заблудшейся, смрадной, кровавой... кровью омытой, крещенной ею, покаянной, прощенной и грядущей к воскресению преобразенной китежской Руси» [Ширяев 2003: 131].

Подвижниками, несшими свет человеческого духа в культуре, автор называет и людей искусства и науки: артиста и лагерного режиссера Сергея Арманова, доцента Приклонского, сохранившего соловецкие древности.

Со временем современников и свидетелей той поры, несших дух «неугасимой лампы», становилось все меньше, и автор признается, что и ему, как и многим, казалось, что угасла лампа – душа России. Но в конце книги он обещает рассказать о теплящихся огнях духа, «зажженных» на Соловках. И в главе «Лампа теплится» (ч.5, гл.3) речь идет о предвоенных и военных годах, когда Б.Ширяев преподавал в педагогическом институте. Несмотря на царившую там несвободу и навязываемое сверху шаблонное

мышление, в студентах жив пылкий ум, некоторые из них тянутся к подлинным сокровищам духа, приходят в храм. О таких чудесах преображения повествует автор, рассказывая историю Тани К., которая, несмотря на советскую пропаганду, сумела пробиться к свету. «О Тане он (репортер местной газеты. – Е.Г.) сказал лишь, что в момент крещения “глаза ее светились, и по лицу текли слезы...”. Эти слова вряд ли были только риторическим украшением заметки. Я помню синие звезды вопрошающих глаз, устремленные на меня в коридоре института. Да, они могли светиться отблесками неугасимой лампы. Тень членского билета ВЛКСМ была не в силах закрыть от Тани ее лучистого сияния» [Ширяев 2003: 385]. Оппозиция света и тьмы проявляется и здесь, ставя смысловые акценты, отождествляя свет с благом, христианским просвещением, а тьму – с идеологией коммунизма.

Отец Никодим

Оппозиция **тьмы – света** вновь появляется в главе «Приход отца Никодима», входящей в часть «Сих дней праведники». Встреча с «утешительным попом» происходит в казарме Преображенского собора. «Рассмотреть фреску было трудно – полки верхних нар затемняли ее, а рассказчик, о. Никодим (я узнал уже его имя), сидел на краю нижних нар, и солнце, пробиваясь сквозь узкое, как бойница, окно собора, ударяло прямо ему в глаза, старик жмурился, но головы не отклонял. Наоборот, подставлял лучу то одну, то другую щеку, ласкаясь о луч и посмеиваясь» [там же: 253]. Беседа автора и о. Никодима о вере и смысле страданий происходит параллельно с изображением света и тьмы. Интересно, что содержание реплик символически связано с духовной оппозицией свет – тьма, а солнечное освещение всей сцены подчеркивает это. «Ишь солнышко-то какое сегодня! – подставил он все лицо лучу. Будто весеннее. Радость! – Старик даже рот открыл, словно пил струящийся свет вместе с толпою танцующих в нем пылинок» [там же].

– Какому черту тут радоваться в такой жизни!

Отец Никодим разом вывернулся из солнечного луча. Лицо его посерело, стало строгим, даже сердитым.

– Ты так не говори. Никогда так не говори. От него, окаянного, радости нету. Одна скорбь и уныние от него. Их гони! А от Господа – радость и веселие» [там же: 254].

Дальше на вопрос собеседника о том, как же он совершал службу в клетках «столыпинского» вагона, о. Никодим отвечает, что там, «в узилище», этой тесноте и грязи – самая служба, потому что духом свободен. При этом он «залучился улыбкой», «всунув голову в солнечную струю».

Воодушевленно растолковывая собеседнику смысл его собственного призвания на Соловки, старый священник как будто преображается: «лучащееся светом лицо» контрастирует с темной фреской, а также с грязью оскверненных человеческих душ и закопченными стенами оскверненного храма. «Зри, прозри и возрадуйся!» – этой репликой о. Никодима завершается глава, подводя итог разговора, в котором контрастно звучит мотив духовной тьмы, слепоты – и света и радости.

«Что-то мерцает...»

В главе «Самое страшное» (ч.5, гл.1) философ-скептик Глубоковский саркастично высмеивает надежды верящих в несокрушимую Святую Русь и рисует перед автором картины России, одержимой бесами, рядом с которыми меркнут грозные пророчества Достоевского.

«Вот он, весь на виду, собор твой Преображенский, в Содом, в свалку ныне преображенный, махнул рукой Глубоковский в сторону кремля, над которым высилась громада собора, – весь во *тьме!* (Курсив мой. – Е.Г.) Гроб!»

– И у схимника гроб стоял... И Лазарь ожил в гробу... Был ведь Лазарь?

– Может, и был. Да теперь его нет. И не будет. Взяться неоткуда. И гроб запакочен. Сам видел. Чуть все это, чуть.

– Нет, смотри, – вглядываюсь я в обезглавленный купол, – в окне правой звонницы что-то мерцает...

– Со двора отсвет, от фонарей.

– Снова нет! Звонница – справа, к стене. Есть там кто-то. Я лазил – там пусто, лестница еле держится... Может, отец Никодим забрался всемогущую с кем-нибудь отслужить? Или панихиду? А?» [Ширяев 2003: 365]. Образ мерцающего света приобретает функцию символа. Символа искры духовного просвещения, надежды на будущее России, которому еще суждено в книге превратиться в теплящуюся лампаду в главе «Лампада теплится».

Соловецкая заутреня

Торжество света являет описание соловецкой заутрени на праздник Пасхи и «небывалого крестного хода». Крестный ход оказался последним перед запрещением проводить богослужения в год освобождения Б.Ширяева (видимо, в 1931 г.): «Невиданными цветами Святой ночи горели древние светильники, и в их сиянии блистали стяги с ликом Спасителя и Пречистой Его Матери» [там же: 412].

Природа тоже празднует Светлое Воскресение: «...а по темному небу, радужно переливаясь всеми цветами, бродят столбы сполохов – северного сияния. Вот сомкнулись они в сплошную

завесу, засветились огнистой лазурью и всплыли к зениту, ниспадая оттуда, как дивную ризу». И апофеозом звучит: «С ветвей ближних сосен упали хлопья снега, а на вершине звонницы вспыхнул ярким сиянием водруженный там нами в этот день символ страдания и воскресения – святой Животворящий Крест» [Ширяев 2003: 413].

Лития по царской семье

Молящиеся на литии по убиенной царской семье являют собой храм – и всю «Русь, святую, неистребимую, вечную». На Соловках, утверждает автор, алтарь этого храма. И здесь не обходится без символики света.

«В робко спускавшемся вечернем сумраке догорали огоньки самодельных свечей. Они гасли один за другим.

На потемневшем скорбном куполе неба ласково и смиренно засветилась первая звезда, неугасимая лампада перед вечным Престолом Творца жизни» [Ширяев 2003: 371].

Таким образом, символ света – «неугасимая лампада», заложенный в названии, реализует себя в ключевых эпизодах книги. Сквозь тьму, мерзость и запустение святого места – Соловков, да и всей Руси, пробиваются лучи неугасимой лампы инока, и Гроб становится временным пристанищем для имеющего воскреснуть русского человека. Тайна Преображения наступит после прихода седьмого Ангела. Эта отсылка к Апокалипсису (Откр., гл.17–18) вскрывает философско-мистические воззрения Ширяева, его надежду на преобразование России. Начало и конец книги «Неугасимая лампада» создают в образном и символическом отношении кольцо.

Символика света появляется и в книге Б.Ширяева «Ди-Пи в Италии. Записки кукольника» (1952). Грустно-ироничные заметки о жизни русских эмигрантов в лагерях беженцев чередуются с веселыми, а порой философски-медитативными страницами. В главе «Братья» повествователь, бродя по Ватикану, размышляет о духовных судьбах Востока и Запада. «Свет с Востока. Не один ли из его лучей упал сюда, в этот тихий, полный молитвы храм, неприметный рядом с пышным великолепием одетого в мраморные ризы святилища Запада?» [Ширяев 2007: 57]. Что заставило потомков Запада потянуться к тихому свету русской лампы, отказавшись от «пышного великолепия» католического вероисповедания? И отвечает себе так: «В непознанных глубинах нашей духовной памяти живут непонятные нам самим представления. Отблески единого, озаряющего жизнь источника света. Порой они вспыхивают, и тогда мы видим позабытое, засыпанное пеплом сгоревших дней, но все же

живое и живущее в нас» [там же: 56]. Эти размышления тем интереснее, что сам Б.Ширяев совершает обратный духовный путь – от света русской лампы, – выбирая католичество. Впрочем, конфессиональные раздумья, по мысли Ширяева, оказываются на периферии, когда приходит осознание единства всей Христовой Церкви. Братьями по духу в этой главе оказываются Станислав Тышкевич, иезуит, почтенный богослов и философ, – и безвестный соловецкий схимник, молитвенно предстательствующий за Россию. Объединяет их одна художественная деталь, которая становится символом, – неугасимая лампада. Увиденная в келье иезуита, она навеивает воспоминания недавнего прошлого: «Где видел я ее, – вот такую, в последний раз? Где?»

В туманных глубинах памяти всплывают неясные тени черных елей под усыпанным бледными звездами небом, в дебрях далекого северного острова; окно землянки последнего еще жившего в ней схимника Земли Русской, огонек такой же, совсем такой же лампы под таким же темным ликом Спаса.

Сам я смотрю сквозь окно, не смея взойти... Я вижу только темную тень инока, склоненного перед Неугасимым Светочем, и его белую бороду, спадающую на грудь из-под схимничьего клобука...

Я стяхиваю туман видений. Не надо! Ведь я в Риме... а не там... не на Соловках...

Передо мной белая борода отца Станислава. Над ним – лик Спаса, со светящейся бледным огоньком неугасимой лампы.

– Братья?» [там же: 59].

Духовное братство связывает не только двух праведных старцев, но и двух русских эмигрантов – Володю-садовника и Володю-певца. При всем различии талантов их скрепляла «та отзывчивость к чужой беде, то бескорыстное желание помочь в ней, те проблески, каких уже не видно на “просвещенном” огнями рекламы Кока-Кола Западе, но какие все чаще и чаще проблескивают в жуткой тьме “осущенного социализма”» [там же: 78]. Такими вспышками автор называет и Русское освободительное движение, и Казачий Стан. Итак, перед нами опять световая символика, усложненная оппозицией света истинного, света даров Духа, и ложного света мира сего.

Если Б.Ширяев увидел на Соловках проблески, мерцание света и прозревал его грядущее торжество, то его современник, и тоже соловецкий каторжанин, О.Волков видит обратное. О.Волков – яркий русский писатель XX в., годы жизни которого практически совпадают с границами века (1900–1996). Потомок старинного дворянского рода, прошедший почти три десятилетия

тия в сталинских лагерях по сфабрикованным обвинениям. Он автор десятков повестей, рассказов, очерков, эссе; талантливый публицист, воспринимавший разрушение природы родного края и архитектуры старинных северных городов как свою боль. Современный исследователь сетует, что «Погружение во тьму» – «редчайший по силе духа роман во всей отечественной литературе» – не стал настольной книгой каждого русского человека. «В нем во всей крепости и мощи представлен негибимый русский человек – в полноте Православной веры, преданности заветам отцов следовать тому, что подсказывает совесть, до смертного конца исполнять свой долг, помнить, что честь и достоинство превыше смерти» [Мионов 2009].

Роман О.Волкова автобиографичен, он охватывает время от 1917 г. до 70-х гг. XX в. Перед нами проходит и история дворянской семьи, и крестный путь самого писателя, начатый в 1928 г., – «от Соловков до Ухты, от зырянских болот до восточносибирской тайги». Православные епископы и священники, ксендзы, мусаватисты, якуты, офицеры и инженеры дореволюционной формации – такая галерея образов предстает перед читательским взором. В нашей статье с учетом поставленной задачи рассматриваются только главы, посвященные соловецкому заключению, – с 3-й по 5-ю.

Свою книгу воспоминаний о злключениях каэра, «бывшего», О.Волков назовет «Погружение во тьму» (1977–1979). Автор признается, что он, несмотря на то что является человеком своего времени, невольно ощущает веяние душевных устремлений, смиренных помыслов многих поколений своих предков. Они «тщились побороть силы зла, вывести к свету и радости с темных перепоутий жизни» [Волков 2000: 65]. Когда он бывал на службах в еще не закрытой Онуфриевской церкви, то поневоле размышлял о непоколебимости Церкви в годину гонений. «Какие неисповедимые пути привели столько православного духовенства сюда, в сложенную из дикого камня твердыню россиян на севере – седую соловецкую обитель? Не воссияет ли она отныне новым светом, не прославится ли вновь на длинную череду столетий?»

Эти мысли тревожат сознание – веришь и сомневаешься...». Иллюзия или реальность? Автора ободряют утешения владыки Иллариона (Троицкого): «Надо верить, что церковь устоит, – говорил он. – Без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняются хоть крошечные, еле светящие огоньки – когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и

дня не бывает – потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо – кругом лес, тишина, мрак. Словно конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но “чем ночь темней, тем ярче звезды...” Хорошие это строки. А вот как там дальше – вы должны помнить. Мне, монаху, в пору Писание знать» [там же: 80–81].

О.Волков со скорбью изображает Соловецкие острова и горько недоумевает, почему в 70-е гг. и позже остров стал привлекателен для туристов, не задумывающихся о «стонах и жалобах с острова Пыток и Слез». Писатель призывает склонить обнаженную голову и задуматься над долгим мартирологом русского народа, столбовой путь которого пролег отсюда – с Соловецких островов. Тихая монашеская обитель, содрогающаяся от брани и залпов, сочающаяся кровью, является символом времени, поправшего святыню и свое прошлое.

Хождение по кругам ада сталинских лагерей – это, конечно, «погружение во тьму». Но авторский взор различает во тьме Соловецкого лагеря сияние и святыни, и подвига современных ему мучеников. Память об этом станет опорой для писателя в его нелегком пути. Дихотомия света и тьмы характерна для его изображения Соловков.

О.Волков по преимуществу рисует картину ада советских застенков, и это «погружение» во тьму преисподней не проходит бесследно: он почти теряет веру, но в конце книги мы видим автора другим, он начинает осознавать волю Провидения во всем с ним случившемся, а свою писательскую задачу – в описании крестного пути русского народа и создании своеобразного памятника его страданиям.

Осмысляя пережитое и прошлое России, Б.Ширяев и О.Волков ставят световые акценты, подкрепленные библейским контекстом. Если у О.Волкова это всего лишь эпизод, но весьма красноречивый, то у Б.Ширяева – философская концепция. Свет Преображения – это и молитвенное предстояние схимника, и будущее России, и здесь появляется символика света. Но путь, ведущий к Фавору, лежит через Голгофу, страдания и ад, и это описывается символикой тьмы. Религиозно-философская концепция Б.Ширяева выражена в посвящении к книге: «Посвящаю светлой памяти художника Михаила Васильевича Нестерова, сказавшего мне в день получения приговора: “Не бойтесь Соловков. Там Христос близко”» [Ширяев 2003: 10].

Примечания

¹ Назовем некоторые из них: Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997; Сергеева О.А. Спектр

значений слова «свет» в поэзии Пушкина // Свет и цвет в славянских языках. Melbourne, 2004. С.178–185; *Сергеева О.А.* Свет как цвет: символ, семантика, образ: (На материале русской поэзии XIX в.) // Там же. С.205–217.

² *Филатова А.И.* Б.Ширяев и «Неугасимая лампада» // Гумилевские чтения: материалы междунар. конф. филологов-славистов, 15–17 апр. 1996 г. / С.-Петербург. гуманит. ун-т профсоюзов. СПб., 1996. С.73–82.

Список литературы

Волков О.В. Погружение во тьму. М.: Вагриус, 2000. 480 с.

Миронов Б. Олег Волков. 2009. URL: http://www.peoples.ru/art/literature/prose/publicist/oleg_volkov/ (дата обращения: 22.05.2011).

Талалай М. Итальянский кукольник, он же русский изгнанник // Ширяев Б.Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. СПб.: Алетейя, 2007. С.5–10.

Филатова А.И. Б.Ширяев и «Неугасимая лампада» // Гумилевские чтения: материалы междунар. конф. филологов-славистов, 15–17 апр. 1996 г. / С.-Петербург. гуманит. ун-т профсоюзов. СПб., 1996. С.73–82.

Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. 432 с.

Ширяев Б.Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. СПб.: Алетейя, 2007. 240 с.

SYMBOLISM OF LIGHT IN DEPICTION OF THE SOLOVKY (B.SHIRYAEV, O.VOLKOV)

Ekaterina V. Gladkova

**Reader of Russian Language and Literature Department
Higher School of Folk Arts**

The main thesis of the article centres round the meaning of the word “light” in the works by B.Shiryaev and O.Volkov, the authors of the XXth century. In their memoirs they depict the Solovetsky camp of the 20-30-s of the XX century. The “light-and-dark” opposition, caused by the precedent-related to the Bible motif is revealed in their works. The symbolism of the light reveals the authors’ attitude to the described events. The authors’ different perception of the events of those times is determined by their personalities and worldoutlook. B.Shiryaev using the symbolism of the light thinks over the spiritual aspect of the Eastern and Western cultures and the perspectives of the Western and Eastern Christian traditions.

Key words: symbolism of light; light-and-dark opposition; ring composition; author’s philosophical and mystic outlook; spiritual destiny of East and West.